

4855143

ХИНЗЕЕВА Дарима Петровна

**ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.22 –
языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки,
аборигенов Америки и Австралии (монгольские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

29 СЕН 2011

Улан-Удэ – 2011

Работа выполнена на кафедре бурятского языка Национально-гуманитарного института ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Санжина Дарима Дабаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Хундаева Елизавета Очировна

кандидат филологических наук, доцент
Тагарова Татьяна Бороевна

Ведущая организация: ФГОУ ВПО «Восточно-Сибирская
государственная академия культуры
и искусств»

Защита диссертации состоится 04 октября 2011г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 003.27.02 при Учреждении Российской академии наук Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Бурятского научного центра СО РАН по адресу: г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Автореферат разослан «02» сентября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Цыбикова Б-Х.Б.

Общая характеристика работы

В исследованиях антропологического направления современной лингвистики значительное место уделяется изучению колоративной лексики, так как многое в окружающей действительности воспринимается посредством цвета. Являясь неотъемлемым элементом мифологических классификаций, ритуала и культа, цветообозначения аккумулируют в себе очень важную национально-специфическую информацию и являются не просто объективной характеристикой мира, но и категорией морально-нравственной и эстетической, выражающей оценки, жизненные нормы, насыщенные экспрессивно-оценочными коннотациями, выступая в качестве одной из ключевых категорий культуры народов. Цветообозначение приобретает статус сущностной характеристики, соотносится с семиотической, ценностной и мировоззренческой картиной мира национальной культуры. В лексико-семантической системе бурятского языка выделяется достаточно компактная группа наименований цвета, относящаяся к наиболее древним атрибутивным словам. Выработываемые языковым сознанием, они принимают активное участие в репрезентации окружающей действительности.

Актуальность темы исследования обусловлена, с одной стороны, возросшим интересом современной лингвистической науки к проблеме отражения в языке понятийных, ценностных, ассоциативных компонентов объективного мира и широким интересом к вопросам лингвокультурологии и межкультурной коммуникации в целом. С точки зрения лингвокультурологии, исследование цветообозначения позволяет проникнуть в национальную языковую картину мира, в национальный менталитет личности. Данный пласт лексики бурятского языка до настоящего времени изучен недостаточно, в том числе с лингвистической точки зрения. С другой стороны, исследование цветообозначения дает возможность для более глубокого понимания культурного наследия народов и решения проблем культурологического, этнокультурологического, этнолингвистического и этнопсихолингвистического плана. Целесообразность обращения к изучению данного пласта лексики бурятского языка также во многом продиктовано тем, что изучение цвета – это один из путей расшифровки глубинных смыслов, заложенных в национальных языках с помощью анализа концептов. Ибо концепты этноспецифичны и могут быть использованы для сопоставления культур разных народов с целью изучения их своеобразия.

Концепт «цвет» можно считать универсальным, так как представители любой нации и культуры способны воспринимать и различать существующие цветовые спектральные оттенки. Цвет определяется каждым народом по-своему, «основные» цвета формируют цветовую картину мира, которая входит в состав языковой картины мира и, соответственно, включается в культурную и концептуальную картины мира. Лингвоцветовая картина мира реализуется в форме цветообозначений в отдельных лексемах, словосочетаниях, идиоматических выражениях и других вербальных средствах.

Цель настоящей работы состоит в исследовании концептов цветообозначений в бурятском языке в лингвокультурологическом аспекте с привлечением материалов из других монгольских языков – монгольского, калмыцкого, выделив их универсальные и индивидуальные особенности.

Поставленная цель исследования определила необходимость решения следующих задач:

1. выявить основные подходы к определению цвета в бурятском языке;
2. определить теоретические основы исследования концепта «цвет» в монгольских языках;

3. проанализировать структуру цветовых концептов в фольклоре монголоязычных народов в их обрядовой практике, быту, в терминологии растительного и животного мира;

4. вывести классификационную модель цветообозначений в бурятской культуре, выделив универсальные и специфические признаки.

Объектом исследования являются лексико-семантические группы цветообозначений в лингвокультуре бурят.

Предметом исследования являются пять основных, базовых для лингвокультуры монгольских народов цветов: **сагаан** «белый», **хара** «чёрный», **улаан** «красный», **шара** «жёлтый», **хүхэ** «синий» и их универсальные и локальные особенности развития и функционирования в текстах устного народного творчества и художественных текстах.

Степень изученности проблемы. Исследование процесса формирования цветовых понятий и отражение этих перцептивно-когнитивных образов в языке имеет большие традиции в языкознании. Следует отметить, что, несмотря на огромное количество работ, посвященных изучению цвета в языке, эта проблема остается недостаточно изученной. Проблема исследования цветообозначений поднималась в классических трудах Г. Конклина, Г. Глисона, Л. Ельмслева, Дж. Лайонза, Г. Хейдера, Д. Оливье, Б. Берлина, П. Кея, Э. Рош. В отечественном языкознании наиболее глубокими исследованиями являются работы Н.Б. Бахилиной, А.П. Василевича, Р.М. Фрумкиной, Т.И. Вендиной, А.А. Залевской, Ю.Н. Караулова, В.А. Московича, Н.В. Уфимцевой и др. Значимые труды по проблеме цветообозначений представлены работами Р.В. Алимпиевой, Ш.К. Жаркынбековой, Т.А. Михайловой, Л.В. Полубиченко, Г.С. Свешниковой, Т.И.

Шхвацабая. Существует большое количество исследований, посвящённых функционированию цветообозначений в художественном тексте, главным образом, в произведениях русской литературы. Так, ряд работ посвящён исследованию энергетики цвета в поэзии: А. Ахматовой (Анищева 1991), О. Мандельштама (Асракадзе 1999), лирике Б. Пастернака (Губенко 1996), М. Цветаевой (Герасимова 1996), С. Есенина (Громов 1996); большое число исследований посвящено символике цветообозначений в прозе М.А. Булгакова (Биккулова 2000, Кузнецова 1994, Лысонваненко 2001, Смирнов 1990, Хорошилова 1998), Н.М. Карамзина (Ковалевская 1994), А. Грина (Петрусь 1999), Е. Замятина (Меньчева 2005), В.П. Катаева (Иванова 1987) и др.

В бурятоведении одной из первых работ, где затрагивались вопросы цветообозначения, является фундаментальное историко-лингвистическое исследование Ц.Б. Цыдендамбаева «Бурятские исторические хроники и родословные» (1972). В данной работе учёный, используя материалы двух базовых востоковедных словарей – «Пятиязычного словаря», построенного на данных старомонгольского, тибетского, маньчжурского, уйгурского, китайского языков, и «Монгольско-русского словаря» (СПб., 1893) К.Ф. Голстунского, осуществил дифференциацию цветообозначений бурятского языка.

Так, им выделяются две лексико-семантические группы цветообозначения в бурятском языке. К первой группе он относит прилагательные, обозначающие цвета и их оттенки, например: «лазурный цвет», «светло-голубой», «бордовый цвет». Ко второй группе отнесены названия мастей животных. Всего насчитывается 80 наименований цвета (масти), например: *алаг морин* (пегий конь), *боро морин* (серый конь), *зрезн буха* (пестрый бык), *ухаа ухэр* (светло-каштановый скот), *хара толгойто* (черноголовая овца), *сагаан хонин* (белая овца), *алаг тэхэ* (пестрый козел), *шара ямаан* (рыжая коза) и т.д. К сожалению, в указанной работе перечень цветообозначений приводится учёным в весьма лаконичной форме.

Вопросы цветообозначения были рассмотрены Т.А. Бертагаевым в работе «Сочетания слов и современная терминология» (1971). В данном труде учёный классифицирует названия цветов в бурятском и монгольском языках с точки зрения их словообразовательной структуры. Им выделяются: 1) простые наименования: *сагаан* «белый», *хара* «чёрный», *улаан* «красный», *ногоон* «зелёный», *хүхэ* «синий», *хурин* «коричневый» и т.д., 2) названия цветов из номинантов-сочетаний: *гал улаан* (огненно-красный), *сахюур сагаан* (ослепительно-белый) и т.д.

Н.М. Митуповой в рамках статьи, посвященной препозитивным усилителям имен прилагательных в диалекте хоринских бурят (1977), была рассмотрена в диахроническом аспекте и структура образования редупликатов (усилителей в определенном сочетании) цветообозначений, таких как: *уб улаан* «ярко-красный», *ноб ногоон* «зеленый-презеленый», *саб сагаан* «белый-пребелый»,

хаб хара «чёрный-пречёрный», *хуб хухэ* «синий-пресиний», *яб ягаан* «ярко-розовый». Показана историческая реконструкция морфологической структуры цветообозначения белый – *сагаан*, где выделяется корень *са-*, утративший в современном языке первоначальное значение: *са-й* (белеть), *са-хир* (бледный), *са-й-бар* (светлый). Прибавление же согласного *б* приводит к образованию редуликата: *саб сагаан*.

Также в рамках статьи «Colour names and their suffixes» (Названия цветов и их суффиксы) Б. Хабтагаева исследовала морфологические способы образования слов при помощи суффиксов, которые применяются при образовании цветообозначений. Автор собрала огромный материал по монгольскому словообразованию, связанному с цветообозначениями. Она исследовала 108 суффиксов: 49 из которых используются при образовании цветоименований и других лексических групп, 59 используются только при обозначении цветоименований.

В культурологическом аспекте вопросы цветовидения бурятского этноса были исследованы в кандидатской диссертации А.А. Банновой «Семантика цвета в традиционной культуре народов Забайкалья: лингвокультурологический аспект» (2005). В данной работе автор на основе сравнительно-сопоставительного анализа традиционных культур бурят и русских выявляет особенности семантики цветообозначений. Семантика цветовых концептов в исследовании рассматривается как ключевой концепт мировидения народов.

В калмыцком языкознании проблемы колористики рассматривались в работах Г.Ц. Пюрбеева (1993), М.У. Монраева (2009), Э.У. Омакаевой (2001, 2009а, 2009б). Попытку реконструировать корни некоторых исконных монгольских цветообозначений предпринимал Е.А. Кузьменков (1988: 126–127). Цветовые обозначения и цветовую символику в монгольском языке подробно рассматривал Ё. Баярсайхан (1996: 55–59).

Научная новизна. В данном исследовании реализован системный лингвокультурологический подход недостаточно изученной ключевой категории национальной культуры «цветообозначение», являющейся одной из основных составляющих в формировании картины мира бурятского этноса. Предложена модель классификации цветообозначений в бурятском языке, где выявлено своеобразие символического мышления бурят и национально-культурная специфика в понимании окружающего мира.

Основными источниками исследования послужили:

1. Бурятско-русский словарь в двух томах. – 60 000 слов. / Л.Д. Шагдарова и К.М. Черемисова. – Улан-Удэ, 2006, 2007.

2. Большой академический монгольско-русский словарь в четырёх томах. – около 70 000 слов. / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М.: «ACADEMIA», 2001–2002.

3. Калмыcko-русский словарь. – 26 000 слов. / Под ред. Б.Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977.

4. Бабуев С.Д., Бальжинимаева Ц.Ц. Буряд зоной урданай Һуудал байдалай тайлбари толи. – Улаан-Үдэ: «Бэлиг», 2004. – 352 х.

5. Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. – 493 с.

6. Фольклорные и этнографические источники.

7. Художественная и публицистическая литература.

8. Собственные полевые записи автора.

Методы исследования. В исследовании использованы следующие методы: сравнительный, сравнительно-типологический, структурно-семантический, сравнительно-исторический, этимологический и метод комплексного концептуально-семантического анализа.

Методологическая основа диссертации определяется характером самого объекта исследования: лексический анализ фразеологических единиц с компонентом цветообозначений сопровождается лингво-культурологическими экскурсами в область материальной культуры бурят, обрядовой практики, обычаев, бытовых примет, мифов, исторических преданий и легенд, сказок, народных песен; привлекаются данные этнографии, этнологии, психологии, психолингвистики и других смежных дисциплин.

Теоретическая значимость исследования обусловлена расширением границ лингвистического моделирования за счёт выделения лингвокультурного цветового пространства. Лингвокультурологическое рассмотрение цветовой концептосферы, проведённое в работе, может помочь составить системное представление о цвете как базовом культурном концепте и цветообозначениях как одной из важнейших составляющих языковой картины мира разных этносов, что открывает новые горизонты в изучении феномена цвета в целом.

Исследование прагматики цветовой символики эксплицирует ценные сведения о менталитете народа, предоставляет возможности культурологического изучения языковых средств цветообозначения. Ценность работы для лингвистики видится в том, что она вносит вклад в изучение универсального и идиотнического в бурятском языке и даёт материал для дальнейших теоретических обобщений. Исследование показывает, как отражается в бурятском языке и его семантике цветовая модель мира, как сам язык влияет на формирование представлений о цвете, а также в выявлении закономерностей порождения, восприятия и моделирования семантики цвета в познании картины мира.

Практическая значимость исследования заключается в том, что фактические данные, представленные в работе, могут быть использованы в сопоставительных исследованиях языка и культуры разных народов. Общие положения диссертации, выводы и обобщения могут стать основой для

разработки элективных курсов и спецсеминаров на гуманитарных факультетах вузов, в частности в области лингвокультурологии, этнолингвистики, социоллингвистики и др. Отдельные положения исследования представляют интерес для соответствующих учебных дисциплин. Фактический материал может использоваться на практических занятиях по современному бурятскому языку; при составлении учебников и учебных пособий по лексикологии, а также в лексикографических целях (при составлении толковых и двуязычных словарей).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Цветообозначения являются ключевыми концептами культуры и представляют собой лингвокультурологические знаки большой смысловой емкости и национальной специфичности.

2. Цвет в бурятском языке может рассматриваться с четырех позиций: 1) точки зрения языкового знака («системно-структурный цвет»); 2) антропологической точки зрения («социальный цвет»); 3) этнокультурной точки зрения («культурно-исторический цвет»); 4) психологической точки зрения («эмоционально-ценностный цвет»).

3. Семантическая структура того или иного цветообозначения в бурятском языке представляет собой многослойную структуру. В основании лингвокультурологического поля бурятского языка находятся архетипические значения цветоименований, обусловленные первичными ассоциациями и реакциями на цвет важнейших для человека явлений и объектов действительности и естественно физиологически-обусловленные значения.

4. Цвет обладает универсальной классификационной функцией и в бурятском языке обозначает разнообразные объекты и явления действительности, социальные и общественные, религиозные и нравственные, эмоциональные и межличностные отношения, обнаруживая четкую логику и относительно строгую систему и соотносится с древнейшими архетипическими представлениями человека, несет информацию о культурных нормах, отражает мировоззренческие установки бурятского этноса, характеризуется высокой аксиологичностью, то есть кодирует, описывает, структурирует и оценивает бытие человека.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры бурятского языка Национально-гуманитарного института БГУ. Основные положения и результаты исследования докладывались на международной научно-практической конференции «Тюрко-монгольские встречи: диалог культур» (г. Улан-Удэ, 2004), международной научно-практической конференции «Бурятский язык и культура в условиях глобализации» (г. Улан-Удэ, 2005), международной научно-практической конференции «Феномен личности Давида Кугультинова – поэта, философа и гражданина» (г. Элиста, 2007), республиканской научно-практической конференции «Традиционная

система управления кочевых сообществ Южной Сибири» (г. Улан-Удэ, 2008), международной конференции «Проблемы монголоведных и алтаистических исследований», посвящённой 70-летию проф. В.И. Рассадина (г. Элиста, 2009), методическом семинаре «Теория и практика преподавания востоковедных дисциплин» (г. Улан-Удэ, 2010).

По теме диссертационного исследования опубликованы 10 статей, из них – 3 в рекомендованном ВАК издании.

Основное содержание работы

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

Во **Введении** обосновывается выбор темы, раскрывается актуальность, научная новизна и практическая значимость работы, формулируются цели и задачи исследования, используемые в работе, указываются источники фактического материала.

В **первой главе** «Теоретические основания анализа концепта как феномена культуры» рассматривается история вопроса, излагаются теоретические основы лингвокультурологии, характеризуется понятийно-терминологический аппарат исследования.

В **первом параграфе** «Взаимоотношение языка и культуры» рассмотрена проблема взаимосвязи языка и культуры, которая разрабатывается давно и в различных направлениях.

Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет решающую роль в формировании личности, национального характера, этнической общности, народа, нации. Как известно, в разных языках существуют специальные термины для обозначения объектов материальной культуры (например: жилище, одежда, предметы хозяйства и быта, еда, напитки и др.). Наличие таких терминов связано с существованием особых обычаев, особенностями системы ценностей, характерной для данной культуры.

Соотношение языка и культуры представляет собой сложную картину, для освещения разных сторон которой было выдвинуто несколько подходов:

1) Первый подход разрабатывался такими отечественными учеными – философами, как С.А. Атановский, Г.А. Брутян, Е. И. Кукушкин, Э.С. Маркарян. Суть данного подхода заключается в том, что взаимосвязь языка и культуры оказывается движением в одну сторону. Так как язык отражает действительность, а культура является неотъемлемым компонентом этой действительности, то и язык – это простое отражение культуры. Изменения действительности ведут за собой изменения в языке.

2) Второй подход был предложен В. Гумбольдтом, А. А. Потебней. Суть данного подхода: язык – такая окружающая нас среда, вне которой и без участия которой мы не можем жить. Следовательно, «будучи средой нашего обитания, язык не существует вне нас как объективная данность, он находится в нас самих, в нашем сознании, нашей памяти; он меняет свои очертания с каждым движением мысли, с каждой новой социально-культурной ролью» [Маслова 2001: 60].

3) Маслова В.Л. в своих рассуждениях о взаимосвязи языка и культуры выделяет еще один подход. Она считает, что язык является фактом культуры, так как он:

- составная часть культуры, которую мы наследуем от наших предков;
- основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру;
- важнейшее из всех явлений культурного порядка [Маслова 2001: 62].

Язык — «зеркало» культуры, в нем отражается не только окружающий человека мир, не только условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира. Сравнение языка с зеркалом правомерно: в нем действительно отражается окружающий нас мир. За каждым словом стоит предмет или явление реального мира. Язык отражает все: географию, климат, историю, условия жизни.

Язык является также носителем культуры, он передает сокровища национальной культуры, которые хранятся в нем и передаются из поколения в поколение. Овладевая родным языком, дети усваивают вместе с ним и культурный опыт предшествующих поколений.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что язык – это система знаков, стихийно возникшая в человеческом обществе и служащая средством коммуникации между индивидами. Культура – это исторически сложившаяся модель значений, передаваемых из поколения в поколение; это образ жизни общества. Субъектом языка и культуры является индивид. Люди общаются и передают информацию посредством языка. Таким образом, язык хранит и передает культуру из поколения в поколение. Язык является орудием создания, развития и хранения культуры. Следовательно, язык и культура тесно взаимосвязаны и не могут друг без друга существовать, что мы видим, изучив фактический материал по цветообозначению в лингвокультуре бурят.

Второй параграф «Концепт как базовая единица описания языка и культуры» посвящен понятию «концепт», которым мы оперируем в нашем исследовании.

Концепт – это смысловое значение имени или слова; то, как мы мыслим данное слово. Концепт имеет сложную структуру. Изучая структуру, мы сможем получить многогранную информацию о концепте. В структуру концепта входят три составляющих: ценностная, понятийная и образная. В

понятийной составляющей можно выделить три слоя: актуальный основной признак, дополнительный или несколько дополнительных признаков и внутренняя форма. Среди методов описания концепта можно выделить следующие: метод определения буквального смысла или внутренней формы (изучение этимологии концепта), исторический метод (изучение истории концепта) и социальный метод (то, как концепты существуют в обществе) и экспериментальные методы. Кроме того, нужно использовать анализ лексем, единиц концепта, а также выявить взаимосвязи этих единиц с другими единицами. Концепты существуют и в индивидуальном сознании языковой личности, и в коллективном сознании языковой группы. Концепты являются единицами сознания и информационной структуры, которая отражает человеческий опыт. Сознание формирует опыт. Сознание и опыт могут быть как коллективными, так и индивидуальными. Следовательно, можно говорить о существовании индивидуальных и коллективных концептов, а коллективные концепты, в свою очередь, делятся на микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные и общечеловеческие.

Обе группы концептов представляют определенный интерес для исследователей. Но следует сказать, что индивидуальные концепты богаче и разнообразнее чем коллективные, так как «коллективное сознание и опыт есть не что иное, как условная производная от сознания и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив» [Слышкин 2000: 16]. Эта производная образуется путем сокращения всего уникального в личном опыте и учета совпадений, а индивидуальные концепты могут включать в себя большое количество элементов.

С другой стороны, немалый интерес представляют коллективные концепты, так как именно они формируют в коллективном сознании общие знания (образы, верования, предположения, ожидания и многое другое).

В третьем параграфе «Цвет как концепт» рассматривается концепт «цвет» как основная категория культуры.

Феномен цвета – предмет изучения многих фундаментальных наук и составляющая многих искусств. Однако до сих пор цвет не имеет общей концепции как в пределах какой-либо одной науки или целого направления.

С точки зрения психологии цветовые ощущения – одна из специфических реакций глаза и мозга на световые частотные колебания

Кроме того, цвет можно связать с эмоциями человека: у каждой эмоции свое определённое место в цветовом пространстве, т.е. каждая эмоция соответствует определённому цвету, а каждый цвет вызывает строго определённые эмоции.

Цвет является одной из констант или одним из принципов культуры, который может служить «своеобразной моделью развития, отображающей пути формирования, освоения, закрепления в культурной памяти не только общих, но и национально окрашенных культурно-значимых концептов»

[Жаркынбекова 1999: 109]. Многие явления культуры не могут быть поняты без учета значения цвета.

Цвет выступает одной из основных категорий культуры, «фиксирующей уникальную информацию о колорите окружающей природы, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностями художественного видения мира» [Жаркынбекова 1999: 109]. Так как цвет является компонентом культуры, то он окружен системой ассоциаций, смысловых значений, толкований, цвет становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей.

У каждого народа с древнейших времен цвет являлся одним из средств осмысления мира. Он служил обозначением наиболее важного в природе и наиболее ценного в человеке. Но со временем цветовые образы потеряли познавательное значение и приобрели эстетическое и духовное значение, и именно цвет стал выражать внутренний мир человека.

В зависимости от культурной среды, различные общества могут иметь разные языковые системы, в том числе и разные системы цветообозначений. Каждый язык имеет свою собственную картину мира. Тем самым, языковая система оказывается равнозначной картине мира. В этом и заключается принцип лингвистической относительности.

Номинации цвета способны выражать не только цветовые, но и другие понятия: они выступают в качестве средства передачи эмоций, душевных переживаний. В культуре человечества цвет всегда имел важное значение, будучи тесно связанным с философским и эстетическим осмыслением мира. Цветообозначение, материально выражаясь в языковой форме, является одновременно «знаковой моделью». Трудно назвать такую область культуры, где цвет и цветообозначение не играли бы существенной роли. Процесс раскрытия смысла цвета начался одновременно с началом его использования и продолжает оставаться актуальным в современной парадигме знания.

Цветообозначение – явление достаточно сложное. В составе процесса развития лексики цветоименования лежат определённые универсальные закономерности, этнокультурные и социоисторические особенности, характерные для совокупности носителей языка. Отношение человека к цвету во все времена и у всех народов было неоднозначным. Цвет вызывает определённые специфические изменения в психическом мире человека, интерпретация которых порождает то, что мы называем цветовыми ассоциациями и символами, впечатлениями от цвета.

Во второй главе «Особенности семантики цветообозначений в лингвокультуре бурят» раскрывается лексико-семантическая информация цветообозначений. В бурятском языке основными являются пять цветов: **сагаан** «белый», **хара** «чёрный», **улаан** «красный», **шара** «жёлтый», **хүхэ** «синий» т.к. известно, что они связаны с пятью первоэлементами, стихиями,

которым поклонялись буряты и другие монголоязычные народы. Также все вместе данные цвета символизировали весь мир, согласно китайской концепции, которая была принята многими евразийскими кочевниками, включая монголов. Для того, чтобы понять полное значение этой концепции, необходимо отметить, что с древних времен китайцы обозначили стороны света цветами. Черный был цветом севера, красный – юга, синий – востока, белый – запада. Центральная территория была представлена желтым цветом.

В данной главе мы попытались систематизировать и классифицировать огромный материал по цветообозначению в лингвокультуре бурят и вывели классификационные модели, которые отражают его содержательную структуру. Как было отмечено в I главе, структура концепта состоит из нескольких слоев. В данном случае нами был рассмотрен слой, включающий коммуникативно-значимую информацию, смысловые характеристики, связанные с реалиями лингвокультуры монгольских народов, это – бытовые реалии (продукты питания, одежда, жилище), природные реалии (топонимика, флора, фауна), антропологические реалии (внешние, физические данные, черты характера человека), социальные реалии (обычаи, бытовые приметы, обряды), политические реалии (социальные термины, политические термины). Отдельно рассмотрены антропонимика, этнонимы, сложные цветообразования, противопоставление черного и белого цветов, выделены значения цвета с положительной и отрицательной коннотацией.

В первом параграфе «Концептуальная символика цветоименований в бурятской лингвокультуре» рассмотрены цветовые представления бурят и объясняется их символический смысл.

С давних времен в культуре народов складывается палитра любимых цветов. Национальные цвета исторически объяснимы и традиционны. Отношение человека к цвету во все времена и у всех народов было неоднозначным. Цвет вызывает определённые и специфические изменения в психическом мире человека, интерпретация которых порождает то, что мы называем цветовыми ассоциациями и символами, впечатлениями от цвета. Главенство белого – бур. *сагаан*, монг. *цагаан*, калм. *цаһан*; чёрного – бур. *хара*, монг., калм. *хар* и красного – бур., монг. *улаан*, калм. *улап* в цветовой символике наблюдается практически во всех культурных системах. Для первобытного человека вышеназванные три (основных) цвета – не просто различия в зрительном восприятии различных частей спектра, а сокращённое или концентрированное обозначение больших областей его психобиологического опыта. Поскольку этот опыт имеет своим источником саму природу человека, он является всеобщим для всех людей как представителей человеческого рода. Поэтому символический смысл цветовой триады является принципиально схожим в самых различных культурах.

Цвет в культуре бурят, как было отмечено, играет значительную роль, занимая важное место в геосимволике, в символическом выражении

социального статуса человека, а также в эмоциональных и нравственных понятиях, существующих в жизни кочевого народа. В буддизме, как отмечает Л. Намжилон: «ОМ – сагаан унгэтэй, 33 тэнгэринэрые тэмдэглэдэг. МА – хухэ, асари тэмдэглэдэг. НИ – сагаан, хүнние тэмдэглэдэг. ПАД – ногоон, тама бэридые тэмдэглэдэг. МЕ – улаан, хүнэһэ тэмдэглэдэг. ХУМ – ногоон, тама тэмдэглэдэг» [Намжилон 1996: 37].

Употребление различных цветов, цветных красок носило осмысленный, канонизированный характер. У бурят, монголов цветовая композиция строится на сочетании светлого и темного. Этот принцип характерен для отделки бурятских шерстяных ковров – *таар* и меховых ковров – *хубсар*. Принцип цветовой контрастности применяется и в ювелирном искусстве. Цветовые камни – *мана* «сердолик», *номин* «лазурит», *ногоолин шулуун* «малахит», *шүрр* «коралл», *тана*, *эрэсэн* «перламутр» составляют контраст серебру – *мүнгэн*, золоту – *алтан*, стали – *булад*. Что доказывает теорию Берлина и Кея о стадияльно-эволюционном происхождении цветовых категорий. Также большое место в материальной и духовной культуре бурят занимают *хара* «черный» и *сагаан* «белый» цвета. Именно они занимают бинарную позицию: *сагаан* – *хара* «белое – черное»; *муу* – *хайн* «плохое – хорошее»; *үндэр* – *набтар* «высокое – низкое» и т.д., в то время как остальные цвета таких оппозиций ни с каким другим цветом не образуют. *Хара* «черный», *сагаан* «белый», *улаан* «красный» – цвета первого класса; *ногоон* «зеленый», *хүхэ* «синий», *шара* «желтый», *боро* «серый» – цвета второго класса [Жуковская 1998: 158]

В фольклоре, обрядах и художественных традициях бурят семантика белого цвета как символа солнечного света, красного – жизни, а чёрного – смерти является неоднозначной, что свидетельствует о её архаичности. Именно эти цвета находятся в основе восприятия человеком мира, поэтому их рассмотрение в качестве одного из начальных этапов формирования цветовой картины мира представляется наиболее существенным при изучении традиционной культуры.

Символика в быту монголоязычных народов проявлялась не только в предметах утвари, но и во всем повседневном укладе. Так, существует классификация пищевых продуктов, в основе которой лежат пять цветов – *сагаан* «белый», *хара* «черный», *шара* «желтый», *улаан* «красный», *ногоон* «зеленый»:

Также нужно отметить, что существуют 5 цветов хадаков (шелковая ткань), которые преподносят в особых случаях в знак уважения:

У бурят, как и у других монгольских народов, существует цветовая маркировка календарных дней, месяцев, годов (*шара бар үдэр* «день белого тигра»; *намарай дундахүхэгшэн тахьяһара* «средний осенний месяц синеватой

курицы»; *сагаан түмэр туулай жэсэл* «2011 – год белого железного зайца» и др.); *хара тахья жэсэл* «год чёрной курицы», *улаан могой жэсэл* «год красной мыши». Данные цвета соответствовали знакам стихии: *түмэр* «металл», *гал* «огонь», *шорой* «земля», *уян* «вода», *агаар* «воздух». Характерно, что при обозначении года в официальных документах чаще пользовались знаком стихии, чем цветом, в народе же преобладало цветовое определение года, сохранившееся вплоть до наших дней. Бур. *Хүхэ нохой жэсэл*, монг. *Хөх нохой жил* «год синей собаки». По-монгольски китайский буддизм называется *Хохийн шашин*, букв. «синяя религия».

В бурят-монгольской астрологии существует цветовая маркировка, так называемого, *мэнгэ* – пигментное пятно или родинка по 9-летнему циклу: 1, 6, и 8 – *сагаан* «белый», 5 – *шара* «желтый», 3 – *хүхэ* «синий», 7 и 9 – *улаан* «красный», 4 – *ногоон* «зеленый», 2 – *хара* «черный». В повседневной жизни человек должен был руководствоваться предписаниями своего *мэнгэ*.

Принцип цветообозначения играет очень важную роль в фольклорном тексте, особенно эпическом. В языках монгольских народов цветовой признак положен в основу видовых названий животных, пиши и пищевых продуктов, злаков и растений, различной качественной характеристики предметов и социального противопоставления людей.

Во *втором параграфе* «Символика цвета сагаан «белый»» исследуется символика белого цвета в лингвокультуре бурят. Наибольшей емкостью и богатством специфических оттенков, которые охватывают самые многообразные сферы жизни, обладает данный цвет. Вероятно, это объясняется физической природой белого цвета, его способностью поглощать все остальные цвета и оттенки. На ассоциативном уровне для монгольских народов, в частности бурят, белый цвет символизирует благополучие, источник силы и здоровья, чистоту, безбедность, силу, отсутствие неудач, жизнь, здоровье, дружелюбие, ясность, открытость, доступность. Через символику белого цвета передаются составляющие системы ценностей многих народов, в том числе и бурят: сакральный белый цвет характеризует материальные предметы, нравственные понятия, социальные явления.

В представлении монгольских народов *ьүн* «молоко», *сэгээ* «кумыс», *архи* «молочная водка» – это дары неба, поэтому с этими и другими продуктами белого цвета связаны определённые запреты, некоторые из которых бытуют и сегодня. Так, молоко, молочные напитки нельзя проливать, чтобы не попирали ногами, отдавать кому-то в вечернее время. Также не положено острыми предметами резать масло, брать сметану. По мнению информанта: *тоьо, зөөхэйдэ халбага табиха, халбагаар абаха ёьотой байгаал даа, хутагаар тоьоо хадхажса, отолжсо байхада ехэл буруу гээшэл даа* «для масла, сметаны надо положить ложку, положено брать ложкой, а протыкать, резать масло ножом очень даже неправильно».

В переносном значении данный цвет характеризует черты характера человека, так, о незлопамятном, безобидном, добродушным человеке буряты говорят: *сагаан хүн* букв. «белый человек»; *сагаан зайтай* букв. «с белым характером».

Символика белого цвета в фольклоре монгольских народов связывается с восприятием человеком далёкого исторического прошлого. Давние, далёкие времена – это: *Хара сагаан хоёрой / Харшалдаагүй үдйдэ* («Абай Гэсэр хүбүүн») букв. «Чёрный и белый (цвет) / Ещё не стали противоположными. Здесь следует подчеркнуть, что в фольклоре монгольских народов широко распространён специфический жанр, называемый просто «триада или тройка», обычно, представляющие собой «загадки – триады». Триада представляет собой поэтический, а порой сатирический афоризм, в котором заложена определённая информация, сгруппированная по какому-либо признаку (цветовому, нравственному, по внешнему сходству и т.д.) в трёхчленную группу. Например, ставится вопрос:

<i>Юртэмсын гурбан сагаан юуб?</i>	Что в мире три белых?
<i>Үндэр тэнгэрийн саһан сагаан,</i>	У высокого неба снег белый,
<i>Үхэр малай хүн сагаан,</i>	У коровы молоко белое,
<i>Үнэн нүхэрэй сэдьхэл сагаан</i>	У честного друга душа белая.

Сагаан также выполняет **усилительную функцию**, например, в таком сочетании *сагаан жабар* «жгучий мороз» (букв. белый мороз); *сагаан жабарай бууха сэг* «время жгучих морозов».

Рассматриваемая лексема активно используется в топонимике, антропонимике прошлого; в создании терминов флоры и фауны.

В *третьем параграфе «Символика цвета хара «чёрный»»* исследуется символика чёрного цвета в лингвокультуре бурят. Диапазон употребления данного цветообозначения в бурятском языке довольно широк, и значения его разнообразны – начиная с обозначения чего-либо очень **хорошего** и заканчивая значением всего **недоброго, отрицательного, чёрного, тёмного**. Фактический языковой материал позволяет говорить, всё-таки о негативном отношении бурят, да и других монгольских народов к данному цвету, как символическому обозначению **недоброго, тёмного, отрицательного**. Положительная оценка цветообозначения *хара* «чёрный» встречается, но редко.

Так, наиболее полно семантику чёрного цвета можно отразить противопоставляя белому, так как в палитре монгольской культуры, как пишет известный этнограф-монголовед Н.Л.Жуковская, «чёрный цвет выступает как антипод белого, прежде всего как классификационный партнер в бинарной оппозиции белое – черное» (Жуковская 2002: с. 203). Однако, прежде, на заре жизни человечества, *сагаан хара хоёр* «белое и чёрное» в видении и оценке окружающего мира монгольскими народами не было противопоставлено друг другу. Так, в частности, в зачине эпоса «Абай Гэсэр-хүбүүн» говорится:

*Хан-Хюрмас тэнгэрийн
Хабархаагүй үдэдэ,
Хара сагаан хоёрой
Харшалдаагүй үдэдэ...*

Хан-Хюрмас тэнгрий
Ещё не хвастался своей силой,
Чёрное и белое
Ещё не противостояли...

Эти два цвета первоначально отражали всё многообразие цветов спектра.

На физиологическом уровне восприятия, например, это **поверхность земли, природные явления**: *хара газар*, монг. *хар газар* «а) чернозём; б) бесснежное место; место, непокрытое снегом»; *хара үүлэн* «чёрная (грозовая) туча»; **краски, оттенки предметов**: *хара шэрэ* «чёрная краска»; *хара нулаад* «чёрный платок»; **цвет глаз, волос, кожная пигментация человека, масть животных**: *хара шодэн* «чёрные глаза»; *хара үхэн* «чёрные волосы», *хара шарай* «смуглое лицо», букв. «чёрное лицо»; *хара азарга* «вороной жеребец», букв. «чёрный жеребец»; *хара хурьган* «чёрный ягнёнок». Появление чёрного ягнёнка считалось нехорошим знамением: *хара хурьган муу гэжэ байжса гэлсэдэг лэн даа, тээд мүноо ямарынши үгы ха юм, хуу үгы хэгдээ* (Полевые записи) «да, говорили, что чёрный ягнёнок – это плохо, так сейчас-то никаких нет». (В связи с развалом колхоза в селе практически не осталось овец). При помощи суффикса *-ша(н)*: в бурятском языке образуется масть самок крупных животных: *харагша(н)* «вороная, караковой масти лошадь»; *харагша үгээн* «чёрная корова». **Название продуктов питания**. Наглядным примером данных антонимических понятий является, например, простое противопоставление *сагаан эдээн* «белая пища» и *хара эдээн* «черная пища». К чёрной пище относятся: бур. *хара сай*, монг. *хар цай*, калм. *хар цэ* «чёрный, не забеленный молоком чай», пить такой чай считалось очень плохим знаком, это расценивалось как предзнаменование обнищания, лишение основного богатства – домашнего скота. По мнению информанта: *Хүндэ хара сай хэжэ гомдохоохон; хара сайда орошохо гэшиэмнай саама носледни, ядахын тэмдэг гэшиэ* (Полевые записи) «Наливая человеку чёрный чай, обижаешь его; перейти на чёрный чай это самое последнее, знак тяжёлого положения».

Вместе с тем, как известно, данный цвет не всегда имеет только негативную характеристику. Так, в бурятском языке триада на *хара* «чёрный» цвет не несёт отрицательную оценку, а выражает сочувствие и жалость: *Үндэр хадын орой хара, / Үгынэй зоной хото хара, / Үншэн хүнэй эльгэн хара* «У высокой горы макушка чёрная, / У бедного человека желудок чёрный, / У сироты печень чёрная». В данном случае лишь констатация факта и сочувствие: у бедняка в желудке черно, так как он недоедает, часто бывает голодный, у сироты же от тоски и печали печень чёрная.

Цвет, как известно, выступает и в роли своеобразного **индикатора социальных, политических и других признаков жизни людей**. При помощи данного цветоименования в историческом прошлом монгольских

народов характеризовалось сословное деление общества. Так, в значении простолюдин, светский, мирской, недуховный человек использовалось сочетание в бурятском и калмыцком языках соответственно: *хара хүн* и *хар хүн*, монгольский же эквивалент *хар хүн* имеет более широкое семантическое значение – это не только «мирянин, светский человек; простой человек», но и «гражданин; муж», букв. «чёрный человек»: *танай хар хүн* «ваш муж», *нэг хар хүн ирлээ* «пришёл какой-то гражданин» (БАМРС). *Хара шашсан* «черная вера» – так стала называться древняя религия монголов и бурят – шаманизм. Жрецы, т.е. шаманы (а также кузнецы), как известно, делились на белых – *сагаан* и черных – *хара*, причем деление шаманов на белых и черных зависело от того, каким божествам они служили. **Физический труд** в монгольском мире оценивается как простой, несложный, чёрный: бур. *хара ажал* / *хара хүдэлмэри*, монг. *хар ажил*, калм. *хар кодлми*, производные от этих словосочетаний соответственно бур. *хара хүдэлмэришэн*, монг. *хар ажилчин* имеет значение «чернорабочий», в калм. *хар кодлмич* обозначает «разнорабочий».

Рассматриваемая лексема цветообозначения *хара* в монгольских языках часто используется в составе словосочетания в значении **собственный, свой, одинокий** например: бур. *хара амила алдаха*, монг. *хар амиа алдах* «потерять свою жизнь»; бур. *хара тархи* / *хара толгой*, монг. *хар толгой*, калм. *хара тольа* «одна своя голова, только своя голова. Данное цветоименование часто выступает как усилительное слово в значении: а) **самый, самый сильный**. Так, о сильном морозе, разгаре холодов говорят: бур. *хара хүйтэн*, монг. *хар хүйтэн*, калм. *хар киитн*; бур. *хара үглөөгүүр* «самым ранним утром»: *хара үглөөгүүр петухал дуугардаг, ондоо ямар шубуун дуугарх юм?* (Собственные полевые записи) «ранним утром только петух поёт, а какая другая птица поёт?»; б) **совсем, очень**: бур. *хара бэе хүн*, монг. *хар бие хүн* (или *хүмүүс*) «совсем одинокий человек»: *хар биеэ зовоох* «измучить себя, измучиться»; бур. *хара эртэ*, монг. *хар эрт*, калм. *хар өрлэ* «слишком рано, чуть свет, спозаранку»; в) **исключительно; во весь опор**: бур. *хара гүйдэлөөр ябах* «исключительно бегом передвигаться»; монг. *хар хурдаараа гүйх* «бежать во весь дух», *хар хурдаараа давхиснаа амы нь татав* «остановил коня на всём скаку».

Данное цветообозначение активно используются в создании специальной отраслевой терминологии, топонимики, антропоники бурят в прошлом.

Четвертый параграф «Символика цвета *улаан* «красный»» посвящён цвету *улаан* «красный» в лингвокультуре бурят. Люди с древности проявляли особое внимание к красному цвету. Во многих языках обозначает все красивое, прекрасное. В славянском фольклоре красный цвет – символ красоты, девственности, святости: «красная девица», «красный угол», «красное солнышко» – сохранившиеся подтверждения символа этого цвета. В Китае об искреннем, откровенном человеке говорят «красное сердце», тогда как сердце дурного, коварного человека черно.

На физиологическом уровне цветообозначение *улаан* – это а) «красный, алый; румяный», номинирующий **вещества, предметы**: *улаан бүд* калм. *улаан эд* «красная материя, кумач»; *улаан бэх*, монг. *улаан бэх*, калм. *улаан бек* «красные чернила, красная тушь»; б) **черты лица, цвет губ, щёк**: *улаан шарай* «румяное лицо», букв. «красное лицо»; *улаан урал*, монг. *улаан уруул* «красные губы», *улаан хасар*, монг. *улаан хацар* «красные щёки»; *улаан нүдэн* «красные (например, со сна или от слёз) глаза»; в) **масть домашних животных**: *улаан морин* «буланый конь», в монгольском языке *улаан морь* имеет значение «конь розоватой масти с голубым отливом», букв. «красный конь», а *улаан хонгор* в данном языке означает «буланый с красноватым оттенком». В бурятском языке, как известно, развита система обозначения домашних животных, главным образом, лошадей, коров по масти. Следует также подчеркнуть, что буряты не давали кличек лошадям, крупному рогатому скоту, а если приходилось искать, звать, то различали по масти. Так, в романе Ц-Ж.Жимбиева «Гал могой жэл» при описании отправки лошадей на фронт встречаем такие названия мастей: *шаргал* «соловый; белёсый; палевый», *зээрдэ* «рыжий», *сабидар* «игренный; светло-гнедой с белой гривой и хвостом», *боро* «серка, серко», *улаан* «буланый конь»: *Тэдэнэй удаа хэдэн морид сэргэтэ абтаба: Шаргал морин, Сандаг зээрдэ, Гунгаа сабидар, Сэбээн боро, Эрдэншин улаан* (Ц-Ж.Жимбиев. Гал могой жэл) «После того взяли несколько лошадей на фронт: Солового коня, рыжего Сандака, игренного Гунги, серко Цыбена, буланого Эрдэни».

Насыщенность оттенка, высокая степень концентрации данного цвета передаётся при помощи усилителей *уб* (или *шад*) в бурятском языке: *уб улаан*, *шад улаан* «совершенно красный; алый». В монгольском языке – *аранзал улаан/ув улаан* «пунцовый, ярко-красный», *гүн улаан/хүрэн улаан* «багровый, багряный», а также – *час улаан* «багрово-красный, ярко-красный».

На ассоциативном уровне у монгольских народов *улаан үнгэ* «красный цвет» олицетворяет образ древнейшего для всех народов – **Солнца** и связанных с ним огня, света и тепла, без которых немислима жизнь на Земле. В бурятском языке существует выражение *улаан наран* «красное солнце», где *улаан* является определением, постоянным эпитетом ко второму слову; по-калмыцки – *өрүни улан нари* «утреннее красное солнышко». Интересно отметить, что в монгольском языке вторую половину месяца (лунного от 16-го по 30-е число) называют *улааны хувь*, букв. «вторая часть».

Символические значения красного объясняются его связью в сознании человека с **кровью**, это цвет одного из самых важных элементов человеческого организма. Так, в бурятском языке *улаан шуһан* называется «артериальная кровь», букв. «красная кровь». Кроме того, буряты называют **главную артерию, аорту** – *улаан гол*, в переносном – обозначает «жизнь», (букв. «красная середина», «красный центр», «красная сердцевина», «красный стержень», «красная ось»).

Следует подчеркнуть, что в колоративной номенклатуре монгольских языков цвет *улаан* «красный» отличается своей неоднозначностью. Так, при помощи данного цвета наряду с положительной передаётся и отрицательная оценка тому или иному явлению. Так, о молодом человеке выросшем и не способном прокормить себя, буряты говорят *улаан голоо тэжээхэ шадалгүй*, букв. «жизнь свою прокормить не способен»; гомерический хохот, **безудержный смех** в бурятском языке номинируется как *улаан энэдэн* букв. «красный смех»; чрезмерная ярость гнев как *улаан уур* «яростный гнев», букв. «красный гнев».

Данное цветообозначение в сочетании со словами, обозначающими людей, чаще детей, или с названиями органов тела человека, эксплицирует значение **открытый, голый**. Например: бур., монг. *улаан гар* «голые руки», букв. «красные руки» – *улаан гараараа бариха* «брать голыми руками»; недавно родившегося ребёнка называют: бур. *улаан нялха / улаа нарай*, монг. *улаан нялх хүүхэд / улаан нярай / улаан нялцгай / улаан цах* «новорождённое дитя, младенец, малюсенький (о ребёнке)» букв. «красный ребёнок, дитя, младенец, новорождённый». Словосочетание *улаан мяхан* в бурятском языке обозначает «а) самое мясо; б) голое мясо», букв. «красное мясо»: *улаан мяхаа харуулжа ябах* «ходить в рваной одежде», букв. «ходить, показывая своё красное мясо». О человеке, который к работе относится самозабвенно, забывая отдыхать, буряты говорят: *хүдэлмэридөө улаа мяхаараа орохо*, данное выражение близко русскому «уходить с головой в работу», букв. «в работу красным мясом своим войти».

Данное цветообозначение в монгольских языках активно участвует в создании терминологии растительного и животного мира, окружающей природы, топонимов, антропонимов.

В *пятом параграфе «Символика цвета шара «жёлтый»»* исследуется символика жёлтого цвета в лингвокультуре бурят. В бурятском языке жёлтый цвет *шара үнгэ* неоднозначен в своей семантике. О неоднозначности данного цвета высказывается и Г.Ц.Пюрбеев, в частности, работе «Эпос «Джангар»: культура и язык (этнолингвистическое этюды), он пишет: «Помимо своего прямого назначения, он выражает функциональные коннотации, символизируя цвет буддийской, жёлтой религии (шар шажн, шарин шажн), отсюда его священность, ритуальная жертвенность и сакральность» (Пюрбеев 1993, с. 59). По мнению Е.В. Голубевой жёлтый цвет пользуется «особым почитанием у калмыков-ламаистов, калмыков как символ веры» (Голубева 2006, с. 16). Буряты-ламаисты также с глубоким почитанием относятся к жёлтому цвету.

Изначательно на физиологическом уровне восприятия жёлтый цвет *шара* в бурятском языке ассоциируется с: а) природными явлениями, поверхностью земли, цветом почвы в атрибутивной функции: *шара газар, шара шорой* «суглинок», букв. «жёлтая земля, жёлтый песок»; *шара набиа*

«жёлтые листья» осенью, в пору увядания. (В этой связи, тёплые осенние деньки, называемые по-русски «бабье лето» в бурятском – *шара набишн халуун*, букв. «жёлтого, листа, жара», в монгольском языке это время называется *намрын шар нар*, в калмыцком *намрин шар нари* букв. «осеннее жёлтое солнце»; б) переработанными молочными продуктами, густым чаем: *шара тоюн* «топлёное масло; масленица», букв. «жёлтое масло»; ...*суухатай шара тоюн болон бусад эдэгэй зүйлнүүд жагсаалда байнган иэнги* (Ц.Галанов. Саран хүхэ) «...топлёное масло в мочевом пузыре и другие продукты были, словно в шеренге». Здесь интересно подчеркнуть, что раньше буряты использовали *сууха* «мочевой пузырь» в качестве сосуда для топлёного масла.

Данный колоратив также ассоциируется со цветом волос, краски: *шара үхтэй (басаган)* «русоволосая (девушка)», букв. «с жёлтыми волосами (девушка)»; в монгольском языке *шар ус* в первом значении совпадает с бурятским – «а) светло-русые волосы», но имеет ещё второе значение «б) волоски на теле, мелкие волосы на теле», кроме того, было третье значение, так с пометой «хуучир. – устаревшее» в БАМРС зафиксировано: «в) жёлтый волос (так в своё время в Монголии называли разные болезни как то: испанку, эпидемическую пневмонию, рак и др.).

При помощи этого цветообозначения эксплицируется масть самок домашних животных, для этого к основе *шара* + суффикс *-шиа(н)*: *шарагшан* «жёлтая, соловая», *шарагша гүүн* «соловая кобыла».

Вообще, изначально жёлтый цвет ассоциируется с золотом, которое с древности воспринималось как застывший солнечный цвет. «Золото – материал, не меняющийся при испытаниях огнем, стал символом «вечности», неизменности, постоянства, раз и навсегда установленного, данного богом свыше» (Митиров 1981: 96). Монгольские народы рассматривая *шара үнгэ* «жёлтый цвет» и ассоциированного с ним *алта(н)* «золота», выделяют несколько его главных символов. Соседство слов *шара* «жёлтый» и *алтан* «золотой» в устойчивых словосочетаниях типа *алтан шара газар* «золотая желтая земля», *алтан шара наран* «золотое желтое солнце» говорит об их взаимозаменяемости, об изначальном мифологическом тождестве. В бурятском языке существует выражение: *алтан наран унтархагүй, арад зон нугархагүй* «золотое солнце не погаснет, народ не согнётся».

В фольклоре данный цвет *шара* обычно употребляется в качестве эпитета «красный», «прекрасный», «красивый»: *шара наран* «красное солнце», букв. «жёлтое солнце», *ангир шара дүүхэй* «красная девица», букв. «искрасна-красная, жёлтая девица»; *бухайр шара номон* «богатырский лук», букв. «бухарский жёлтый лук».

Неоднозначность, двойственность данного цвета характеризуется: с одной стороны, это символ света, тепла, божественного, с другой стороны –

предательства и обмана. Так, фольклорный эпитет к словам: *далай* «море», *нохой* «собака», *могой* «змея», *манан* «туман», *тооһон* «пыль» имеет отрицательную коннотацию. Например: *шара могой* «ядовитая змея», букв. «жёлтая змея» в противоположность к чёрной змее – *хара могой*, которая не является ядовитой.

Припомощиданного цветообозначения образованы термины растительного и животного мира, медицинские, топонимы, данное цветообозначение весьма продуктивно в создании бурятских антропонимов.

Пятый параграф посвящён концепту *хүхэ* «синий». Символика синего цвета *хүхэ үнгэ* очень древняя и связана с небом, вечно синим небом *хүхэ мүхэ тэнгэри*, «культ которого был распространён среди всех монголов» (Пюрбеев 1993: 64), в том числе и у бурят, до принятия буддизма. *Хүхэ үнгэ* «синий, голубой» цвет на физиологическом уровне ассоциируется с небом, в частности в БРС зафиксировано: *тэнгэрийн хүхэ үнгэ* «синева неба», *хүхэ* (или *хүхэ номин*) *тэнгэри* (или *огторгой*); в монг. *номин хөх тэнгэр*, калм. *көк теңгэр* «голубое (или лазурное) небо». Данное цветообозначение также ассоциируется с водной синью: *хүхэ үнгэ* «синий цвет», монг. *хөх онго* «синий цвет, синева; голубизна»; *хүхэ* (или *сэнхир хүхэ*) *далай*, *хүхэ номин далай* «синее (или лазурное) море»; *хүхэ нуур* «голубое озеро». Лёд как твёрдое, застывшее состояние воды также ассоциируется с данным цветом: *хүхэ мұльһэн* «лёд синеватого оттенка», вместе с тем это сочетание имеет значение «бесцветный, невыразительный, безжизненный (о глазах)».

Семантика данного цветообозначения в бурятском языке неоднозначна, с одной стороны – это высокое, священное возвышенное. С другой стороны – осуждающе-сочувственное, негативное, например, когда речь идёт о внешнем виде человека: для экспликации а) цвета лица, губ человека в определённых обстоятельствах: бур. *хүхэ бала*, монг. *хөх няц* называется «синяк» на лице; о человеке, у которого на лице синяки буряты говорят: *хүхэ бала болоһон* «весь в синяках»; у замёрзшего человека губы выглядят синими: *даариаһан хүхэ урал* «посиневшие (или синие) от холода губы». Нездоровый человек выглядит бледным – *хүхэ сагаан* «бледный; помертвельный»: *хүхэ сагаан болоод унашоо* «упала, став бледно-синей»; о девушке упавшей в обморок. *Хүхэ нодэн* «голубые глаза», данное сочетание имеет неодобрительную коннотацию, так о наёмном работнике, который, в общем-то, работает «абы сделать», буряты говорят: *хульһэньин нодэн хүхэ* «глаза у батрака синие»; б) бледности, болезненности лица, обычно в сочетании с такими словами *сагаан* «белый», *буурал* «седой» или же без них: бур. *хүхэ сагаан шарай* «мертвенно-бледное лицо», букв. «сине-белое лицо», в монгольском языке *хөх царай* в прямом значении «смуглое, тёмное лицо», в переносном – это «суровое лицо», букв. «синее лицо»; бур. *хүхэ зүхэ шарай* «(нездорово) бледное лицо», букв. «синее бледное лицо»; *хүхэ буурал* «а) седой; б) сизый», букв. «синий, седой».

Следует подчеркнуть, что в бурятском языке как и в других монгольских языках синий цвет *хүхэ үнгэ* используется тогда, когда речь идёт о зелёном оттенке, например, для номинации: а) молодой, зелёной травы, листьев: *хүхэ ногоон*, монг. *хах ногоо*, калм. *көк ноһан* «зелёная трава, зелень», букв. «синяя трава»; степень насыщенности цвета представляется путём редупликации бур. *хүб: хүб хүхэ набшаһан* «зелёная-презелёная листва», букв. «синяя-пресиняя листва»; монг. *хов хох онго* «кубовый цвет»; б) сена, скошенного и убранныго вовремя: *хүхэ үбһэн* монг. *хах овс* калм. *көк өвси* «зелёное сено», букв. «синее сено»; *хүхэ һолоомо сабшаха* «скашивать (хлеб) на солому», букв. «синюю солому косить». Такое явление обусловлено синкретичностью, семантической нерасчленённостью данного цветообозначения *хүхэ / хох / көк*, способностью его номинировать другие, колоративно близкие оттенки. Э.У.Омакаева пишет, что это происходит вследствие того, что данная лексема традиционно обозначала «различные оттенки синего, голубого, зелёного и серого тонов, впоследствии получивших самостоятельное наименование как отдельных цветов» (Омакаева 2009: 271); в) при экспликации масти животных, данный цвет обозначает «сивый»; тумана – «сизый»: бур. *хүхэ морин* «сивая лошадь», монг. *хах бор* «серый, тёмновато-пепельный», калм. *көк бор* «сивый, серый (с тёмным оттенком)», букв. «синяя лошадь»; монг. *хах саарал* «буланый с сизым отливом», калм. *көк саарл* «мышастый», *көк буурл* «серо-сивый», букв. «синий, седой». Для монгольского языка характерно также образование при помощи известного суффикса *-гчин*, лексем, для обозначения самок животных: *хөхөгчин* «серая, сивая».

В переносном значении цветообозначение *хүхэ* обычно выражает отрицательное качество чего-либо. Так, о долгой затянувшейся непогоде, весне говорят: *хүхэ бороо* «сплошной (или затяжной, нудный) дождь»; *хүхэ зада* «затянувшееся ненастье (о дождливой погоде или о продолжительном буряне)», букв. «синее ненастье, непогода»; *хүхэ хабар* «а) серая весна; б) тяжёлая весна», букв. «синяя весна», в наших краях, как известно, климат «суровый, резко континентальный» (СЭС 1988, с.1204) и после долгой зимы, люди с нетерпением ждут весны, чтобы снег быстрее сошёл с почвы и дал возможность скоту выходить в поле, чтобы подбирать оставшееся с осени сено, солому. В этой связи в бурятском языке существует специальный глагол *хөглахо* в значении «доедать; собирать остатки кормов (о домашних животных)». Поэтому дружной весны ждут все с нетерпением. В монгольском же языке существует словосочетание *хах өвөл* «суровая зима», букв. «синяя зима».

О продуктах питания говорят: *хүхэ мяхан* «одно только (без жира) мясо, совсем постное мясо», из такого мяса не сварить хороший суп. В монгольском языке аналогичное сочетание *хах мах* является синонимом к *хах булчин* и

переводится «а) мускулы; б) массивный; мускулистый». О плохом чае буряты говорят: *хүхэ сай* «а) плохо забеленном чае; б) совсем жидком чае»: *хүхэ борохон сай* «жидкий чаёк».

Также данный цвет употребляется в значении **сплошь, очень сильно**: *хүхэ нойтон* – это «сплошь (или совсем) мокрый», букв. «синий мокрый». О затаившемся смехе говорят с осуждением: *хүхэ модон энэдэн* «ненормально продолжительный смех, нездоровый хохот букв. «синий деревянный смех»; о сильном кашле: *хүхэ ханядаан* «сильный кашель», букв. «синий кашель». Об очень упрямом человеке отзываются: *хүхэ нэтрүү хүн* «очень упрямый человек», букв. «синий, упрямый, назойливый, человек». Огромное вымя коровы в разговорном речи эксплицируется как *хүхэ дэлэн* «громадное (букв. одно только) вымя (о ненормально большом вымени)», букв. «синее вымя». Корова с большим выменем обычно даёт мало молока, поэтому вызывает осуждение. О нудном, затаившемся **весельи, пьянке**: *хүхэ зугаа / хүхэ наадаан* «нудное веселье», букв. «синее веселье»; *хүхэ архидаан* «пьянка» ≈ рус. «разливанное море», букв. «синяя пьянка», горький пьяница соответ-ственно – *хүхэ архиниан* «заядлый пьяница, застарелый любитель выпить», букв. «синий пьяница».

В народной **символике** – голубой обозначает одного из двух главных высших сил *Хүхэ муихэ тэнгэри* букв. «Синее вечное небо». Символика синего цвета у монгольских народов очень древняя. В мифологии бурят *тэнгэри* «небо» – символ мужского начала. По мифологическим представлениям, вместе с женским божеством *Улгэн Дэлхэй Эхэ* «необъятная Мать-Земля», они являлись первопредками всех живых существ во Вселенной.

Рассматриваемое цветообозначение *хүхэ* не столь продуктивно в создании системы бурятской терминологии, связанной с окружающей природой, растительным и животным миром, топонимами и антропонимами. Это, очевидно, связано с неоднозначностью семантики данного цветообозначения, с одной стороны – это высокое, священное возвышенное (тэнгэри), с другой стороны – негативное, нежелательное, например, личное имя, образованное при употреблении данного апеллятива.

В заключении обобщаются основные результаты проведенного исследования. Детальное рассмотрение концепта «цвет» позволило определить ее содержательное и структурное наполнение, которое, в свою очередь, было конкретизировано применительно к концепту «цвет» в бурятской лингвокультуре.

В ходе исследования выявлены основные подходы к определению цвета в бурятском языке: историко-лингвистический (Цыдендамбаев Ц.Б. 1972), лексико-морфологический (Бертагаев Т.А. 1971, Митупова Н.М. 1977, Хабтагаева Б. 2001, Харанутова Д.Ш. 2010), психолингвистический (Бухаева Р.В. 2010), сопоставительно-культурологический (Баинова О.А. 2005).

На основании проведённого исследования, в бурятской цветовой символике выделяем концепты ахроматических (*сагаан* «белый», *хара* «чёрный») и хроматических цветов, в число последних входит прежде всего традиционная триада концептов основных монохроматических цветов спектра и их оттенков *улаан* «красный», *шара* «жёлтый», *хүхэ* «синий»). При этом ахроматические цвета являются отправной и конечной точкой цветового отрезка: белый цвет характеризуется завершённостью, как конечный пункт яркости, а чёрный – как конечный пункт темноты.

Детальное рассмотрение концепта «цвет» позволило определить, что семантическая структура того или иного цветообозначения в бурятском языке представляет собой многослойную структуру. В основании лингвокультурологического поля бурятского языка находятся архетипические значения цветоименований, обусловленные первичными ассоциациями и реакциями на цвет важнейших для человека явлений и объектов действительности и естественно физиологические – обусловленные значения. В фольклоре, обрядах и художественных традициях бурят семантика белого цвета как символа солнечного света, красного – жизни, а черного – смерти является неоднозначной, что свидетельствует о ее архаичности. Именно эти цвета находятся в основе восприятия человеком мира, поэтому их рассмотрение в качестве одного из начальных этапов формирования цветовой картины мира представляется наиболее существенным при изучении традиционной культуры. Было установлено, что наибольшей емкостью и богатством специфических оттенков, которые охватывают самые разнообразные сферы жизни, обладает белый цвет. Это объясняется физической природой данного цвета, его способностью поглощать все остальные цвета и оттенки.

Для наиболее полного осознания концепта «цвет» в лингвокультуре бурят, после систематизации материала по цветообозначению, мы вывели классификационные модели, которые отражают его содержательную структуру. В данном случае нами был рассмотрен слой, включающий коммуникативно-значимую информацию, смысловые характеристики, связанные с реалиями лингвокультуры монгольских народов, это – бытовые реалии (продукты питания, одежда, жилище), природные реалии (топонимика, флора, фауна), антропологические реалии (внешние, физические данные, черты характера человека), социальные реалии (обычай, бытовые приметы, обряды), социально-политические реалии (социальные термины, политические термины, медицинские термины). Отдельно рассмотрены антропонимика, этнонимы, сложные цветообразования, противопоставление черного и белого цветов, выделены значения цвета с положительной и отрицательной коннотацией.

Исследование показывает, как отражается в бурятском языке, его семантике цветовая модель мира и каким образом язык влияет на формирование представлений о цвете, а также в выявлении закономерностей порождения, восприятия и моделирования семантики цвета в познании картины мира.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях

1. Хинзеева Д. П. Семантика некоторых цветовых символов в бурятском языке : когнитивный подход [Текст] / Д. П. Хинзеева // Вестник БГУ. Филология, 2009. – №10 – С. 9–14.
2. Хинзеева Д. П. Концептосфера цветообозначения *сагаан* «белый» в бурятском языке [Текст] / Д. П. Хинзеева // Вестник БГУ. Филология, 2010. – №10 – С. 11–15.
3. Хинзеева Д. П. Семантика основных цветообозначений в бурятском языке : когнитивный подход [Текст] / Д. П. Хинзеева // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Филология, история, востоковедение, 2010. – № 3 (32). – С. 149–154.

**Публикации в сборниках научных трудов
и материалах научных конференций**

4. Хинзеева Д. П. Цветообозначение как выражение картины мира монгольских народов [Текст] / Д. П. Хинзеева // Тюрко-монгольские встречи : диалог культур : материалы междунар. науч.-практ. конференции. – Улан-Удэ : ГУП «Изд-во «Буряад унэн», 2004. – С. 101–109.
5. Хинзеева Д. П. Глобализация и проблема функционирования национальных языков в России [Текст] / Д. П. Хинзеева // Бурятский язык и культура в условиях глобализации : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ : Изд-во «Бэлиг», 2005. – С. 101–103.
6. Хинзеева Д. П. Символика чисел и цвета как транслятор языковой картины мира бурят : актуальность сохранения ее в эпоху глобализации [Текст] / Д. П. Хинзеева // Бурятский язык и культура в условиях глобализации : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ : Изд-во «Бэлиг», 2005. – С. 103–106.
7. Хинзеева Д. П. Цветовые доминанты в этнокультурной системе бурятского языка [Текст] / Д. П. Хинзеева // Традиционная система управления кочевых сообществ Южной Сибири : материалы науч.-практ. конф. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. – С. 178–179.
8. Хинзеева Д. П. Символика чисел в концептуализации мира у бурят [Текст] / Д. П. Хинзеева // Феномен личности Давида Кугультинова – поэта, философа и гражданина : – материалы междунар. научн. конф. – Элиста, 2007. – С. 138–140.

9. Хинзеева Д. П. Символическое значение белого «сагаан» и черного «хара» цветов в картине мира бурят [Текст] / Д. П. Хинзеева // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований : материалы междунар. конф., посвященной 70-летию проф. В. И. Рассадина. – Элиста, 2009. – С. 216–218.

10. Хинзеева Д. П. Особенности классификации цветообозначений в бурятском языке [Текст] / Д. П. Хинзеева // Теория и практика преподавания востоковедных дисциплин : материалы межвуз. метод. сем. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – Вып. 5. – С. 88–94.

18

Подписано в печать 02.09.2011.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 1,63
Тираж 100 экз. Заказ № 35

Издательство «Бэлиг», 670047, г. Улан-Удэ, ул. Павлова, 68
Типография издательства «Бэлиг»